

ПЕТРУШКО Э. П.

Часть 2



ДЕРЕВНЯ

трилогия часть II

18+

Эдуард Петрушко

Деревня 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Петрушко Э. П.

Деревня 2 / Э. П. Петрушко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга "Деревня - 2", продолжение трилогии об оборотнях, не может не понравиться любителям хоррора. Читая книгу, кажется будто это вовсе не вымысел, а реальная история, в которую попали разные люди, в глухой таежной деревне. Персонажи произведения, зависимые от наркотиков, приезжают в Красноярскую тайгу на лечение и попадают в круговорот ужасных и необъяснимых событий. Отдельные моменты писатель передает настолько осязаемо, что кажется будто ты являешься непосредственным участником событий и чувствуешь их страх и безысходность.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эдуард Петрушко Деревня 2

«Мир полон таинственных сил, и мы – беспомощные существа, окруженные непостижимыми и неумолимыми силами».

К. Кастанеда

ВСТУПЛЕНИЕ

В темном небе висела луна – полная, желтая, как большой лимон. Время от времени на нее наплывали обрывки черных облаков, и лес накрывала непроглядная сажа. Человек осторожно шел по лесу, под ногами предательски хрустели ветки, казалось, что трещит целое дерево. Вдруг из чащи послышался хрип, переходящий в звериный рык. Разобрать было тяжело, но звук был явно не человеческий.

– Кто там?! У меня ружье! – крикнул в темноту мужчина, но его голос был слаб и дрожал. Из оружия он располагал китайским ножиком для сбора грибов и неработающим фонариком, который он зачем-то продолжал носить с собой. Наступила глухая тишина, только ветер вздыхал меж голых ветвей мертвых деревьев. Человеку повсюду виделась угроза, чудилось наступление чего-то злого и неизбежного.

Нечто неподвижно стояло в темноте и разглядывало застывшего на месте человека. Его выдавал только пар, исходящий из страшной пасти, нижняя челюсть которой была выдвинута вперед и предназначалась для убийства и разрывания на куски своей жертвы. Хищник предвкушал и наслаждался. Раздался довольный клочок голодного животного, неконтролируемый и древний. Этот звук усиливался с каждой секундой и походил на силу, дикую и ненасытную.

Мужчина хотел побежать назад, но между деревьями появился огромный силуэт, размером с быка, и двинулся на него. Взгляд у оборотня был угнетающе-завораживающий. Страшные желтые огоньки парализовали человека.

Вышла луна и осветила перед мужчиной чудовище, грудная клетка которого была огромная, челюсти у него двигались вверх и вниз, издавая клацающие звуки. Зверь, казалось, чувствовал бессилие жертвы и дико взревел, подняв голову вверх. Взгляд мужчины был прикован к ужасным зубам, когда чудовище молниеносно ударило передней лапой. Острые, как скальпель, когти оставили три глубоких раны. Кровь сначала тихонько выступила из тела, будто раздумывая, затем хлынула струями на землю, заливая траву и мох. Хищник ударил второй раз по животу – мужчина сжался, пытаясь удержать свои внутренности. После непродолжительной борьбы за жизнь ноги у человека подкосились, и он упал в лужу собственной крови. Последнее, что почувствовал умирающий, как челюсти сомкнулись на его голове, и он услышал треск своего черепа...

ГЛАВА 1

Сергею Семеновичу Краеву снился кошмар. Он метался по кровати, плакал и даже выл. Во сне он ощущал боль, непонятную, похожую на щупальцы осьминога – иногда они замирали, но чаще шевелились внутри, вызывая приступы удушья и дерущие спазмы. Слышащиеся в ночи голоса были странными и пугающими. Они говорили с ним на языке, которого он не знал. Вике Русовой, его девушке, иногда приходилось будить своего возлюбленного и включать свет. Проснувшись, Сергей, весь потный, со стеклянными глазами сидел на кровати и непонимающе смотрел по сторонам.

С утра Краев ничего не помнил, это вызывало неловкость и взаимную отчужденность. За завтраком они долго молчали, держа в руках кружки с остывающим чаем, не зная, что сказать друг другу. Потом Краев бежал на пробежку вокруг деревни, которая проходила ежедневно, невзирая на суровую красноярскую осеннюю погоду. Лишь после освежающего бега он окончательно приходил в себя и освобождался от липкого страшного сна.

Вот уже месяц они жили в глухой таежной деревне, прошли через ад наркотической ломки и лесной реабилитации. Казалось бы, жизнь возвращалась в молодые тела и давала надежду на будущее, но странные события, происходящие со всей группой, вносили мрачность и угрюмость в их отношения и существование.

Краев смутно помнил тот холодный и дождливый вечер, когда он убегал от каких-то неизвестных животных в лесу, упал, потерял сознание и проснулся с раной на плече. После этого все в его жизни стало медленно меняться. Что именно, он понять не мог, но совершенно четко осознавал, что идут какие-то перемены и эволюция. Он не жил, а как бы наблюдал за собой со стороны, будто смотрел фильм. Рана зажила на удивление быстро, а вот непонятная тревога нарастала и поглощала Сергея как снежная лавина.

Лечили его рану бабушки, похожие друг на друга, морщинистые и молчаливые. Краеву казалось, что он их раньше никогда не видел в деревне. Хотя откуда взяться посторонним в глуши, за 100 километров от районного центра? Его натирали пахнущими мазями из трав и кореньев, втирали барсучий жир и поили неприятными настойками, от которых он подолгу спал. Рана затягивалась на глазах, вызывая вместо радости выздоровления, смутное беспокойство. На время лечения Яков, глава поселения, разделил их с Викторией, которую отправил на «женскую часть деревни».

Позже Вике разрешили быть с Краевым. Девушка окончательно отошла от отравляющей абстиненции, расцвела, обрела свежесть и опрятность. Ее волосы стали ровные и длинные, кожа бархатистая и нежная. Радоваться бы, но казалось, между ними бежал холодный ручеек, Сергей был замкнут и мрачен, а Вика испугана и напряжена. Тем не менее, они оба хотели засыпать трещину непонимания, которая большим развалом возникла между ними.

– Выспался? – спросила Вика, сидя на деревянном стуле, за большим грубо сделанным деревянным столом. Она, как могла, вносила уют в их убогий таежный быт – накрыла салфетками стол и поставила в надколотую вазу несколько сосновых веток, которые издавали приятный запах. Девушка пила чай.

– Да, – тихо ответил Сергей, протирая глаза.

– Счастливчик!

– Я не храпел? – спросил Краев и попытался изобразить что-то наподобие улыбки.

– Нет, ты ревел как Ниагарский водопад или пойманный слон. Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно!

– Ты ничего не помнишь?

– Нет. А что случилось? Вика встала и нервно прошлась по комнате, зачем-то мешая ложечкой остывший чай. Потом громко вздохнула, словно готовилась сказать что-то важное.

– Не знаю, что это было, но выглядело это жутко. С двух до трех ночи ты начал ворочаться и бредить, – Вика говорила обстоятельно, глядя себе в чай, словно стараясь не забыть мельчайших подробностей. Краев заерзал на кровати и спустил ноги на пол.

– Я сильно толкнула тебя локтем и отодвинулась. Ты проснулся и вертел головой по сторонам как голубь. Я включила свет. Лицо у тебя изменилось – перекошилось и почернело. Оно стало не твоим. На ногах разбухли вены, как дождевые черви. Вика замолчала.

– И что было дальше? – нервно спросил Краев, теребя большую пуховую подушку.

– Я дернула тебя за руку... Ты резко изогнулся и укусил меня в живот. Укусил не больно, не до крови. Мне стало страшно, я хотела поговорить с тобой, но ты тут же заснул.

Краев молча встал, подошел к Вике и обнял ее, уткнувшись носом в волосы. Его всегда волновал их запах – сейчас от них слегка веяло корицей и можжевельником.

– Прости! – тихо сказал он. – Я не знаю, что со мной происходит. Надо ехать в Москву и обследоваться. Там все вылечат.

– Мы, кстати, когда с этого затянувшегося лесного уик-энда уедем? Я уже вся мхом покрылась, – спросила Вика.

– Яков сказал, что скоро, еще одну процедуру очищения пройдем, и мы свободны, – сказал Краев и задумался. Загадочный этот человек – Яков, вроде бы он ему ноги целовать должен за то, что снял их с героина, а он его боялся и избегал. В присутствии главы поселения Сергею казалось, что он находится в клетке с тигром. Хотя внешний вид у Якова был доброжелательный: открытое лицо, почти зеленые глаза, всегда ухоженная огромная борода. Сразу бросалась в глаза его физическая сила – огромной силы руки, мощная шея и торс, как у дуба.

Тихо, как мыши, в дом вошли две бабки. Стучаться в деревне было не принято, и двери никогда не закрывались, если только на ночь. Воровать было нечего и некому. При входе в дом только громко здоровались, это было вместо слов – «можно войти».

Вошедшие были маленькие, как грибы, одинаково одетые, похожие на черствые бублики, они несли что-то завернутое в холщовую тряпку. Положив это на стол, аккуратно и бережно развернули материю. Это была икона. «Странно», – подумала Вика, она нигде не видела в деревне ни икон, ни образов.

Старушки действовали по своему, только им известному плану. Постояв завороженные над иконой, они бережно взяли ее и повесили в угол дома. Куриными пальцами зажгли перед странным образом свечи и сделали почтительный шаг назад, слегка склонив головы. Постояв минуту, тихо пошли к двери.

Одна из незваных гостей резко подошла к Краеву. На черной сморщенной ладони лежала фигурка: получеловек-полужверь, с кривыми лапами и раскрытой пастью. Поделка, сделанная нарочито грубо, внушала первобытный страх. Старуха молча повесила страшный амулет на шею Сергею и тихо засемила к выходу. То ли от неожиданности, то ли от страха Краев ничего не сделал и не спросил.

Сергей встал с кровати и подошел к иконе. Присмотревшись, он отпрянул от нее как от яркой вспышки – на иконе был грубо вырезан волчий лик. Кровожадный зверь с зубастой пастью, казалось, смотрел прямо в душу Сергея. Подошедшая Вика негромко вскрикнула и замолкла, ослепленная мрачной силой, которую источала икона.

– Зачем она здесь? – спросила девушка и отпрянула назад, как от удара током. Краев ничего не ответил, надел брюки, кроссовки, свою любимую футболку с изображением Михаэля Шумахера, гонщика «Формулы-1», и вышел на улицу.

Пепельное октябрьское солнце по-зимнему низко жалось к земле и пряталось за тучами. Легкий снегопад скрадывал очертания сосен и лиственниц, издали похожих на сказочных великанов, заснувших до весенней поры. Сергей закурил и снял с шеи противный образ.

ГЛАВА 2

Яна Кашина посмотрела в зеркало. Обрато на нее смотрело осунувшееся чужое серое лицо. Она уже давно не узнавала себя в зеркале. Казалось, лицо принадлежит неудачно сделанной кукле, а отощавшее тело и вовсе напоминало бесформенный мешок с небольшой порцией ваты.

– Старуха Шапокляк, – сказала Яна и показала самой себе язык. Она каким-то образом сохранила чувство юмора, хотя давно не испытывала никаких чувств и эмоций. Казалось, что она не реагировала ни на боль, ни на жар, ни на холод. Героин сделал ее тело бесчувственным и равнодушным. Яна не ощущала потребность в еде и сне. Ее беспокоила только накатывающая ломка, без очередной дозы.

Постояв перед зеркалом, Яна пошла в спальню, где царил беспорядок, на который она уже давно не обращает внимание. Уличные туфли стояли тут же, возле кровати, бюстгальтер висел на спинке стула, замшевая куртка валялась в углу. Вчера она пришла сильно вмазанная. Порошок был просто убойный. Обычный героин на рынке был белого или слегка коричневатого цвета, а этот был светло-оранжевый. «Намешали дилеры, суки, дряни, так и сдохнуть можно!» – подумала Яна, вяло потянувшись за сигаретой. На работу она не ходила уже неделю и перестала отвечать на звонки, кроме себе подобных и дилеров. Когда я успела так опуститься?

По небольшой плазме, висевшей в спальне, мужчина, упитанный до размера перезрелого помидора, вещал о проблемах молодежи:

– Вследствие духовного кризиса и отсутствия мотиваций... – дослушивать Яна не стала и пошла на кухню. Продолжая шутить над собой, девушка, открыв холодильник, спросила:

– Когда же у тебя настал духовный кризис, что ты так села на иглу, родная? Холодильник молча слушал хозяйку, выставляя напоказ прокисшее молоко и засохшие сосиски. Нормально питаться Яна перестала месяца три назад, перейдя на жидкую пищу.

Заварив себе немного чая, она села возле окна и задумалась. На улице наступила осень, Москва превратилась в большую лужу, по которой сновали люди, прикрываясь зонтиками от противного морозящего дождя. Чай в маленькой чашке остыл, Яна пила его крохотными глотками, абсолютно не чувствуя вкуса.

Кашина вспомнила Олега, свадьбу, медовый месяц, который они провели в Испании. Прошлая жизнь всплывала в памяти вереницей смутных кадров. Все осталось позади: и любовь, и Олег. После замужества, буквально через несколько месяцев, Яна все чаще начала ловить себя на мысли, что она пребывает в какой-то вязкой хандре. Сначала это были мимолетные ощущения, как будто тени, пробежавшие по воде; проходит несколько минут, и ты возвращаешься в нормальное состояние. Но со временем тоска становилась все плотнее и прочнее, и вот наконец Яна начала ощущать себя мухой, попавшей между двух оконных стекол.

Пытаясь себя встряхнуть, Яна начала ходить с подругами по клубам, пошли случайные связи с мужчинами и вечеринки в незнакомых компаниях. Она помнила свой первый укол в грязной однокомнатной квартире на первом этаже. Малолетка, имени которого она не запомнила, раскручивая ее на секс, предложил вмазаться. Особого прихода после первого укола Яна не почувствовала и быстро ушла от неряшливого кавалера.

Но что-то осталось в мозгу и понеслось. Как попала в мощный героиновый водоворот, она объяснить не могла ни себе, ни родственникам, ни друзьям. Все, кроме мамы и закадычной подруги Светы, от нее отвернулись. Сначала проводывали, давали советы, потом звонили, а сейчас брезгают даже поздравить с днем рождения, которое у нее было на прошедшей неделе. Светка Мартынова по кличке «Пчела», окончившая в МГУ факультет журналистики, быстро нашла себя в жизни, только не личной. Некрасивая, похожая на большого гнома, со светлыми редкими волосами, она компенсировала свои нерастроченные чувства на Яне. «Пчела» наво-

дила порядок в квартире подруги, покупала продукты и кормила ее чуть ли не из ложечки. Света сильно переживала за пагубную страсть Яны, но сделать ничего не могла. Ни слова, ни угрозы не действовали на подругу, которая погружалась в героиновое болото.

Яна снова легла в кровать и любовно потрогала чек, лежащий на тумбочке, оставшийся со вчерашнего дня. Сильная дрянь! Это был особо грязный замес, но он давал бескомпромиссный яркий приход. Правда, страшно бил по организму, и поэтому нужно было быть особенно осторожным с дозировкой. Вгонишь чуть больше и привет – в дальний путь к прабабушке. Яна потянулась за ложечкой и баяном, которые лежали в прикроватной тумбочке.

ГЛАВА 3

Краев сидел на лавочке и наблюдал за дерущимися в липкой грязи петухами. Один петух был вполтину больше своего противника, но почему-то явно проигрывал своему собрату, который позже погнал великана по улице, пытаясь клюнуть его в бок. Громко крича, проигравший удирал от победителя.

– Развлекаешься? – рядом, как из-под земли, появился Яков и мягко положил ему на плечо огромную ладонь. От неожиданного прикосновения Сергей слегка вздрогнул, но постарался скрыть свой испуг от этого загадочного и сильного человека. Яков был в деревне наподобие председателя колхоза, имел непререкаемый авторитет, был образован, умел руководить и управлять людьми.

– Да, почти коррида. Не бывал в Испании? – зачем-то спросил Краев, который до своей героиновой болезни часто бывал в Барселоне, Малоге и Мадриде. Испания нравилась ему своим мягким теплым климатом и солнцем, которое светило по 320 дней в году. Сергей мечтал о том, что, когда они вернутся из таежного лечения, он отвезет Вику в эту гостеприимную страну, пахнущую хамоном и вином.

– Не приходилось, но о чем ты говоришь, знаю. Это когда опоенного водой быка сначала ослабляют ударами пик, а потом выходит фраер и колет измученное животное на глазах у народа... Есть очень хорошее произведение по этому поводу Джека Лондона – «Безумие Джона Харнера», о человеке, сошедшем с ума на корриде и убившем людей. Не слышал?

Подул ветер, что-то неся и шепча на своих плечах. Он усиливался и подталкивал деревья, которые нехотя начали шевелиться и гнуться. Воздух сделался прохладным и влажным, словно напитался водой. Краев поежился и засунул руки в карманы.

– Слышал, а точнее читал, я люблю Лондона с детства. А в этом рассказе особенно ярко описано неравенство боя между животным и человеком. У животного нет шансов. Краев посмотрел на маленького петуха, который вернулся после погони и начал выделяться перед курицами, обхаявая их со всех сторон. Он что-то копал своими шпорами и громко кудахтал, приглашая наседок на якобы найденный обед.

– Я сейчас собираюсь съездить на дальний участок, не хочешь со мной прокатиться? – спросил Яков у скучающего Краева. Что такое «дальний участок» и какая цель этой поездки, Сергей не знал, но и расспрашивать собеседника не стал. Характер у Якова странный – он бывает замкнутый, молчаливый, порою озлобленный и грубый. Говорит и делится информацией, когда считает нужным, на вопросы не отвечает, а только начинает злиться. А бывает, как сейчас, в хорошем настроении, доброжелательный и разговорчивый.

Краев пытался расспросить селян дикой деревне о Якове, но все отмалчивались. Только старая, но крепкая бабка, похожая на пенек с ногами, как-то сказала, что фамилия Якова по паспорту – Васильев, так как видела документ. Мол, «гайцы остановили, и Яков показывал свои права». Яков, вызывая страх, одновременно продолжает удивлять Краева своей жизненной философией и знаниями, как сейчас с рассказом Джека Лондона.

В это время в деревню въехала телега, запряженная одной грязно-серой лошастью. Она шла не спеша, опустив голову к земле, время от времени поднимая шею и тряся неряшливой гривой. За ней двигалась процессия из трех деревенских мужчин. Все они были с охотничьими ружьями. Когда телега поравнялась с домом Краева, Яков неторопливо спросил:

– Нашли? – и сделал несколько шагов к повозке. Мужики мрачно переглянулись, а затем один из них вздохнул и, подойдя, откинул в сторону край лосиной шкуры. Здоровенный, двухметрового роста детина лежал на спине и не шевелился, шея его была разорвана. Краев вспом-

нил погибшего, он часто его видел работающего в местной мастерской, которую жители называли «кузницей».

– Нашли, – ответил один из сопровождающих, на ногах у которого были большие охотничьи сапоги. Семен на глухарей охотился, а эта тварь – на него. За дальним березняком поджидала... И главное, не съела, а просто убила. Теперь из деревни не выйти, пожрут они нас... Яков хмуро посмотрел на говорившего, тот сразу замолчал и накрыл покойника. Телега поехала дальше. Яков вернулся к оторопевшему Краеву.

– Вот судьба у Семена. Болел в городе, у него была самая опасная разновидность рака – та, которая развивается быстро и почти не поддается лечению. Медицина хоть и пыжится, что они сделали важные открытия в этой области, но врачи только продлевают жизнь больных. Но в его случае и это было поздно. Опухоль вовремя не обнаружили, и исследования показали, что метастазы уже затронули многие органы. Семену предложили обычный курс лечения – химию и радиотерапию, но он отказался и приехал к нам.

– Вылечили? – осторожно спросил Сергей, смотря вслед ковыляющей лошади. Рука покойника упала с телеги, как будто пытаясь схватиться за землю.

– Вылечили, мы не только наркоманов лечим, а видишь, как вышло... Судьба-судьбинушка. Ну так, ты поедешь, не передумал? Краев покачал головой то ли в знак согласия, то ли отказываясь.

ГЛАВА 4

Игорь Анатольевич Школов, живя в таежной деревне, опять сошелся с подсадившим его на иглу Матвеем Сизовым. Последний постоянно испытывал угрызения совести в отношении своего друга. Окончательно очищенный от дряни мозг напомнил ему о таких вещах, как слабость, подлость, жадность. Матвей не раз вспоминал свое знакомство с Школовым Игорем в ИК номер 12 Мордовской Республики, куда он прибыл отбывать наказание по 228 наркотической статье.

Сизов по прибытию в колонию сразу попал под пресс этнической семьи за «барыжную» статью. Непонятно, как бы он выжил без крепкого Школова, который почему-то взял его под свое крыло. После отсидки дружба часто встречались, и Сизов, снова севший на героин, быстро уговорил Игоря на первый укол. Школов, как бывает в таких случаях, из сильного человека быстро опустился до обычного нарика, со всеми вытекающими последствиями.

Два друга во время таежного лечения от наркозависимости дистанцировались друг от друга. Школов понял, в какое дерьмо он попал по вине Матвея, а последний не навязывал своего общества, искренне осознавая степень своей вины в поломанной судьбе друга. После месяца жизни в глуши два товарища снова стали близки и делали вид, что у них не было прошлого, покрытого гнилой пленкой героина.

Сейчас они сидели в крайнем доме деревни с земляными полами, где никто не жил. Расположившись на ящиках возле ржавой печки, дверца у которой почти отвалилась, они подбрасывали небольшие ветки в умирающую буржуйку. Время от времени печка через прогоревшие дырки выплевывала угольки, которые создали вокруг выгоревшее пространство. Пламя было небольшим, но угли крупные, пропитанные ярким светом, согревали пространство и собеседников.

– Скучно, аж слышно, как ногти растут, – сказал Матвей, – ни телефона, ни интернета, два телевизора на деревню с двумя программами. Живем как XIX веке. Когда уже домой?.. Может, хоть поганок наедемся? Поняв, что сказал глупость, Сизов замолчал. Любые наркотики ассоциировались с героином, который они начали забывать. Школов молчал, смотря на потухающий уголек возле его ноги. Потеребив губу, он сказал:

– Домой уже скоро, у Якова спрашивал..., и я знаю, что ты по поганкам прошелся со своим дружкой Макаром. Сизов действительно сошелся с местным мужиком, с которым они охотились, ставили силки и общались. Макар сначала вызывал интерес у Матвея своим незамысловатым образом жизни и философией, а потом надоел своей простотой и однообразием.

– Ну в жизни надо все попробовать. Вот Карлос Кастоньеда ел ядовитые грибы с индейцами в правильной дозе и сколько книг написал. Матвей был начитанным малым и за годы пребывания в колонии перелопатил сотни книг. Особенно его интересовали темы наркотиков и все, что с ними связано. Что я сделал? – продолжал Сизов. – Пошёл в лес, набрал поганок, хорошо прожарил и съел одну ложку, как Макар учил. И что, ты думаешь, со мной произошло?

– Ну, судя по тому, что здесь сидишь, ничего страшного, – предположил Игорь, пиная вылетевший уголек к печке.

– Да... После ложки поганок я выключился и ушёл из своего мира куда-то за дальние горы в непонятно цветное неконтролируемое забытье. Не я все – пусть лоси эти грибы жрут. Ничего смертельного, но повторять не буду.

– Ты прекращай, экспериментатор, мало тебе было? С одной заразы на другую. Тема наркотиков раздражала Школова, он нервно встал и пошел к выходу, оставив поникшего Сизова одного.

Школов быстро шел по деревне к своей девушке, которую полюбил с первого взгляда. Их отношения были более чем странные: он городской парень, видевший жизнь, и Люба, «дикарка», жившая в тайге, мывшая волосы шелухой лука и не пользовавшаяся косметикой. Но ее огромные бездонные глаза, точеная фигура и необыкновенно красивое лицо, которое переплюнет любую московскую модель, увлекли Игоря в омут искренных чувств и эмоций.

Встретив девушку возле ее большого свежесрубленного дома, они пошли гулять к своему любимому месту – небольшому незамерзающему лесному ручью. Тихо журчащая вода, казалось, напевала им незамысловатую любовную песенку. Школов уже неоднократно предлагал Любе выйти за него замуж и уехать из деревни. В это свидание он опять неловко просил руку своей возлюбленной, но Люба, промолчав, ответила:

– Я люблю тебя, но замуж не выйду и никуда с тобой не поеду. Это просто невозможно! – Она наклонилась к ручью и опустила в холодную воду свою руку. Несмотря на ежедневный физический труд, руки ее были всегда ухожены и опрятны.

– Люба, вы в который уже раз отвергаете мое предложение, но никаких объяснений. Я хочу их знать! А я вправе знать их, понять и доказать серьезность моих намерений. Так скажите же... почему?

– Тебе не надо этого знать, – Люба улыбнулась и попыталась положить голову ему на плечо. Она казалась забытой, затерянной во времени и пространстве.

– Я хочу знать причину! И узнаю! Школов вскочил на ноги, нахмурился, стиснул кулаки; вид у него был самый решительный и даже, пожалуй, агрессивный. Казалось, что он готов встряхнуть Любу, лишь бы узнать, в чем дело. Женщина больше не улыбалась – она смотрела ему в глаза неподвижным, холодным взглядом, в котором была пустота.

– Тебе непременно хочется узнать мою тайну? – спросила она ровным тоном, который совершенно не соответствовал ее странному взгляду.

– Да, да, я все хочу знать о тебе, я не представляю жизни без тебя! – волновался Игорь.

– Я не всегда бываю в своем уме. – Игорь дернул плечом, потом пристально взглянул на нее. На лице его явственно читались недоверие и готовность рассмеяться. – Я одержимая, – продолжала девушка. Больше ничего не сказав, Люба встала и пошла в деревню. Игорь в задумчивости остался сидеть на бревне, которое мгновенно стало холодным.

ГЛАВА 5

УАЗик уже минут сорок бросало на ухабах, как шарик от пинг-понга. По этой дороге Краев никогда не ездил, дорога уходила вглубь тайги и больше напоминала большую заросшую тропинку между деревьями. Яков крепко сжимал руль и каким-то чудом объезжал все препятствия на таежной брошенной дороге.

Машина ревела, лязгала железом, выбрасывая грязь из-под колес. Краев держался одной рукой за бардачок, а второй – за ручку над дверью. Тем не менее он несколько раз подпрыгнул в кресле и один раз сильно стукнулся головой о крышу.

Внезапно дорога стала относительно ровная, и Краеву показалось, что по ней недавно ездили автомобили. «Как-то странно посередине тайги существует какой-то анклав с собственными дорогами», – подумал Сергей, но его мысли тут же переключились на собственные проблемы. С каждым днем его чувства становились все острее и острее. Бывало, он слышал, как под травой шуршат мыши и жучки, как белки сопят в своих дуплах. Это его пугало. УАЗик резко остановился. Краев чуть не ударился головой о лобовое стекло и тихо прошептал нехорошее слово, которым он редко пользовался.

– Приехали! – сказал Яков и выпрыгнул из машины. Перекур – пять минут, потом пойдем в тайгу, проверим кое-чего. Сергей вышел из машины и сел рядом с Яковым на поваленное дерево.

Солнце поблекло и съежилось, утонув в мутной розовой дымке, вдалеке висели две грязные тучи, похожие на опухоль. В лесу было тихо, казалось, что все живое примолкло, наблюдая за названными гостями.

Яков молча курил, смотря в непроглядную чащобу леса словно чего-то ждал. Краев долго молчал, но то ли удаленность от людей, то ли одиночество и тишина толкнули его поделиться своими страхами с Яковым. Сначала Сергей говорил медленно и осторожно, словно боясь обжечься, но потом расслабился и, как на исповеди, вывалил всю правду о своих метаморфозах и изменениях. Яков внимательно выслушал собеседника и, выкурив вторую сигарету, долго молчал, играясь поднятой с земли веткой. Краев тоже примолк и слушал напряжённый вой ветра, который напоминал чей-то детский плач. Краеву почему-то сразу показалось, что это плачут заблудшие души, которые не могут вырваться из этого мрачного места.

– Я догадывался, что с тобой происходят... изменения. Отчасти поэтому мы здесь. Ты боишься себя? – спросил Яков, внимательно смотря Краеву в глаза. Взгляд его был пронизывающий и испытывающий.

– И да и нет. Я чувствую, что стою в преддверии чего-то грандиозного. Только не пойму – хорошее это или плохое. Иногда мне кажется, что я могу достать звезду с неба, а иногда хочу плакать или зарыться, как червяк в навоз.

– Ничего страшного, если ты боишься. Страх – это жизнь. Ты не можешь не бояться, – тихо, почти шепотом говорил Яков. Но постоянный страх дает власть над тобой. Вот с ним надо бороться. Там тебе бабки икону принесли. Видел ее?

– Да. Страшная она, как сама смерть, волчьи глаза будто в душу заглядывают.

– Не бойся, будешь маяться, мысли какие-то непонятные появятся – подойди к ней, зажги свечку, стой! Все страхи пройдут. Скоро ты поймешь, чего по-настоящему надо бояться.

Яков встал и достал из багажника рюкзак, в который положил обрез; большой нож, похожий то ли на тесак, то ли на топор, он повесил себе на солдатский ремень.

Ничего не говоря, он начал углубляться в чащу леса. Краев засеменял, как слабосильный щенок, за крепким, но гибким Васильевым, умело идущим по тайге.

Ветки нещадно хлестали Краева по лицу, а коряги пытались сделать ему подсечку. Через 30 минут Краев начал задыхаться, его лицо, несмотря на осеннюю, почти зимнюю прохладу, начал заливать пот. Спина Якова, как маятник, мелькала впереди, как будто он не встречал никаких препятствий.

Лес начал редеть, появилась густая трава вперемешку с невысоким березняком. Краеву показалось, что это место много лет назад было кем-то вырублено и выкорчевано. Через несколько десятков метров Сергей увидел в траве множество камней, побитых ветрами и непогодой. Камни были разных размеров, потресканные и обросшие ярким мхом.

Это были могильные камни, понял Краев, но от могил не осталось ни холмиков, ни заборов, ни впадин – время как будто съело кладбище, оставив ему только серые булыжники. Пытаясь разглядеть надписи на поваленных могильных плитах, Сергей увидел только непонятные символы и рисунки. Он не понимал, откуда в глухой тайге кладбище с большим количеством странных безымянных могил. Якову, казалось, происхождение кладбища было не интересно, и он, уверенно обходя плиты, опять начал углубляться в тайгу.

– Что это за кладбище? – почти прокричал Краев. Яков, казалось, не слышал его вопроса и продолжал уверенно идти в сторону сгущающегося леса. Где-то в ветвях страшно расхохоталась ворона. Сергею казалось, что кладбище шепчет ему вслед: «Зачем вам куда-то идти? Вы все равно умрете, так ложитесь здесь, под наши плиты. Оставайтесь!»

Еще через 15 минут пути, когда Краев выдохся и уже хотел просить Якова о привале, лес снова начал расступаться. Появились дома, точнее то, что от них осталось. Краев уже ничему не удивлялся, даже если бы здесь стояла статуя Свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.